

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Станислав Минин

КАМЕНЬ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М61

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 193

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Коробейникова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Минин, Станислав Николаевич

М61 Камень: роман / Станислав Минин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 416 с. — (Современный фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-122126-3

Он мечтал стать военным, как и все в роду князей Пожарских, но судьба распорядилась по-другому, наделив его уникальными возможностями в защите и не оставив способностей для нападения. Что он выберет — спокойную жизнь и учебу в университете или службу в Отдельном корпусе жандармов?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122126-3

© Станислав Минин, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

— Что предлагаешь делать? — спросил высокопоставленный чиновник у своего приближенного.

— Оставить все как есть, мой господин, и постепенно подталкивать к нужным решениям. Молодой человек поступил в МИУ, сейчас нам его будет контролировать гораздо проще, — ровным голосом ответил внешне ничем не примечательный человек.

— Хорошо, я согласен. Доклад каждую неделю. — Хозяин кабинета давал понять, что аудиенция закончена.

Помощник понял все правильно, молча поклонился и покинул роскошный кабинет.

* * *

Фу-ух, ну наконец-то, начинается новый этап моей жизни, и не абы где, а в столице Российской империи — городе Москве!

Мне всегда нравился этот город своей суетой, живостью, шумностью, чем отличался от сонного Смоленска, недалеко от которого, в фамильном поместье князей Пожарских, я прожил все семнадцать лет своей жизни. В Москве приходилось бывать три раза в год, летом — на днях рождения моих деда и бабки, князя и княгини Пожарских, и зимой — на Новый год, в их родовом особняке в Пречистенском переулке.

— Барин, ты чего замешкался-то, садись давай, поехали уже... — Дядька Прохор, мой наставник и воспи-

татель, самый близкий мне человек, высунулся из окна «Нивы».

Я еще раз окинул взглядом огромное здание МИУ — Московского императорского университета на Воробьевых горах, самого престижного вуза страны, одного из лучших университетов мира — и направился к машине.

— Ты чего, насмотришься еще за пять лет, надоест успеет... — ворчал Прохор, вырывая со стоянки университета.

Было ему пятьдесят два года, выглядел он максимум на сорок, глядя на его сухощавую фигуру и простоватое лицо, никто бы не подумал, что за плечами Прохора участие в одной большой войне России с Китаем и масса мелких родовых войн на территории России в дружине князя Пожарского. Да и его боевой ранг — воевода — на лбу написан не был.

Когда мы подъехали к особняку Пожарских, я в который раз буквально заставил себя не поморщиться. И было из-за чего. В этом доме меня не любили, считали виновником смерти моей матери, княжны Елизаветы Михайловны Пожарской, которая умерла от осложнений после родов. Не надо много ума понять, что родила она меня. Так что маму свою я никогда не видел, бывал лишь на ее могиле, в фамильном склепе Пожарских на Новодевичьем кладбище Москвы. Замужем мама не была, забеременев неизвестно от кого в свои восемнадцать лет, и была сослана семьей в смоленское поместье на четвертом месяце беременности, чтобы избежать позора. В этом поместье через пять месяцев я и родился. Крестили меня Алексеем — так хотела меня назвать мама. В силу того, что я фактически являлся по законам Империи незаконнорожденным ребенком, моему деду, князю Пожарскому, любившему меня, в отличие от всех остальных (включая даже мою родную бабушку Ксению Викторов-

ну, умершую в прошлом году), стоило немало усилий получить именной указ императора Николая III о наследовании мной фамилии Пожарский и титула князь. После этого указа я унаследовал и имущество своей матери, которое род был обязан выделить после ее смерти при наличии наследника. Моим опекуном до достижения совершеннолетия — восемнадцати лет — тем же императорским указом был назначен мой дед.

Моя мама была младшим ребенком в основной ветви рода Пожарских, всеобщей любимицей. И поэтому ее смерть после родов расстроила весь род Пожарских, а причиной смерти почему-то назначили меня. Не добавил любви моим родичам и тот факт, что мне было не суждено пойти по традиционной для мужской части рода Пожарских стезе — военной. Я был бесталанным. В буквальном смысле этого слова. В то время как мои сверстники в возрасте семи-восьми лет под присмотром старших вовсю пытались освоить одну из стихий — огонь, воздух, воду или землю, — я мог оперировать всеми четырьмя стихиями одновременно, но только рядом с собой. Поначалу я стал даже знаменитостью — как же, будущий «четверик», владеющий всеми стихиями, — ко мне даже в роду стали относиться лучше, но через некоторое время стало понятно, что развитие мое застопорилось и толку от моих умений никакого. Наставники пытались разбудить во мне скрытый потенциал путем проведения тренировок, максимально приближенных к боевым, но это дало неожиданный результат — я научился контролировать защитные свойства своей ауры — ментального доспеха — до такой степени, что она стала практически непроницаема для чужого воздействия. Поначалу контроля хватало буквально на несколько минут, но постепенно это время увеличилось. Благодаря постоянным тренировкам с Прохором и его вредности я до-

бился того, что этот ментальный доспех был у меня постоянно активирован на подсознательном уровне, иначе я мог получить нехилый такой ожог пониже спины от «огненного хлыста» с комментарием моего воспитателя:

— Опять булки расслабил, Лешка! Помни, твоя защита — твое единственное оружие.

По рассказам Прохора выходило, что ментальные доспехи умели носить очень многие, но, как правило, не очень продолжительное время, слишком быстро тратились силы на его поддержание. Именно этим объяснил мне мой наставник тот факт, что наш учитель по военной подготовке в лицее всегда ходил с пистолетом в кобуре по армейской привычке. Этим же объяснялись и мои постоянные победы в учебных поединках со своими сверстниками и ребятами постарше. А началось все с того, что в третьем классе, когда начались эти самые поединки, состоялся мой первый бой. Против меня выставили мальчишку из параллельного класса, адепта воздуха. Он, как и я, ужасно мандражировал и после отмашки судьи устроил вокруг меня некое подобие слабенького шторма. Я же врубил ментальный доспех на полную и стал пережидать. Через какое-то время ветер начал стихать, пыль осела, и я увидел на другом конце полигона, метрах в пятидесяти, моего визави. Именно на такое расстояние нас поставили судьи в целях безопасности, да еще и делориевые браслеты надели, чтобы «загасить» силу. Что делать дальше, я не знал и начал в растерянности озираться, пока не услышал крик Прохора:

— Подойди к нему!

Деревянной походкой я направился на противоположный конец полигона к моему противнику, который ожидал всякого, но не такого. Из последних сил он попытался сбить меня с ног резким порывом ветра, но на меня это не действовало. Подойдя к нему практически

вплотную, я просто толкнул растерявшегося пацана в грудь. Он упал пятой точкой на песчаное покрытие полигона и заревел. Понятно, что мне присудили победу, но выводы, сделанные нашим учителем по военной подготовке и моим наставником Прохором, были диаметрально противоположными.

— Молодец, поздравляю с первой победой! — потрепал меня по голове Прохор. А позже, уже в имении, спросил меня: — Алексей, что вам в лицее говорят про оптимальное расстояние боевого контакта?

— Оптимальное расстояние боевого контакта на нашем ранге должно составлять не менее двадцати метров до противника! — отчеканил я заученное.

— Все правильно. А почему? — снова потрепал он меня по голове.

— Это позволяет максимально эффективно воздействовать на противника, самому оставаясь вне зоны действия своей поражающей стихии, что позволяет экономить силы для защиты. Кроме того, при действиях в команде расстояние должно увеличиваться до пятидесяти метров, что позволяет нескольким стихиям одновременно воздействовать на противника.

— Все правильно. Конечно, с ростом вашей силы будет увеличиваться и расстояние, но всему свое время... Хочу тебе сказать, что эти учебники написаны кровью. — Прохор нахмурился. — Но к тебе эти правила никак не относятся.

— Почему, дядя Прохор?

— Вот скажи мне, малой, на каком расстоянии ты можешь «эффективно воздействовать на своего противника»? — процитировал он мои же слова.

— Один метр.

— Значит...

— Я понял, дядя Прохор, для меня единственный способ победить — это приблизиться к противнику на один метр.

— Верно. Но и в учебниках написано все правильно, однако там для обычных людей, а ты у меня особенный! — он опять потрепал меня по голове.

— А чем я особенный? — Ребенку всегда приятно знать, что он чем-то отличается от других.

— Тем, что у тебя очень, очень сильный ментальный доспех, и он со временем станет еще сильнее. Значит, то, что написано в учебниках, не совсем тебе подходит. А теперь послушай историю.

Я с готовностью присел рядом.

— Во время войны с Китаем был я свидетелем того, как работают жандармы. Ты знаешь, кто такие жандармы?

— Да, мы проходили в лицее. Они стоят на страже государственности.

— Вот-вот, — кивнул Прохор. — Есть у них специальное подразделение, все их называют волкодавами, которое специализируется на задержании особо опасных преступников и предателей России. А набирают туда людей со схожими с тобой способностями в защите и еще очень долго-долго тренируют. Методики тренировок строго засекречены. Их главная задача взять преступника живым. Видел я как-то, как они работают, это действительно впечатляет, а брали они не абы кого, а Абсолюта! Мне казалось, что этим двум волкодавам пришел конец, после того моря огня, который на них обрушил этот монстр, но ничего, с трудом, но спеленали гаврика, хотя на ногах еле стояли. Так вот, как мне кажется, даже сейчас твоя защита ничем не отличается от защиты этих волкодавов, а держать ты ее можешь гораздо дольше. А когда сегодня ты стоял посреди шторма, а потом не знал, что делать, я и вспомнил, как действовали те два жандарма, которые, наплевав на все учебники, воспользовались собственной тактикой и, не применяя свои стихии и экономя силы, приблизились к Абсолюту, после чего его и спеленали. Запомни,

Алексей, залог твоей победы в поединке — непосредственный контакт с противником, от чего предостерегают все учебники.

— Я понял, дядя Прохор! — Сегодняшний учебный поединок предстал передо мной в новом свете.

— О нашем разговоре никому ни слова, все рекомендации учителей выполняй беспрекословно, но в учебных поединках используй сегодняшнюю тактику.

— Хорошо, дядя Прохор.

И действительно, на следующий день на уроке военной подготовки учитель похвалил всех, кто победил в учебных поединках, отметил он и меня, но совсем не так, как остальных:

— Пожарский, ты, конечно, выиграл поединок, но что ты с такой тактикой на поле боя будешь делать? Только мешаться! Больше работай над развитием стихий! — вынес свой вердикт учитель.

Всю дорогу из лица в имение я еле сдерживал слезы.

— Не расстраивайся, Алексей, то ли еще будет, главное — результат! — утешал меня Прохор.

Вскоре состоялся мой первый учебный поединок с девочкой, адептом воды. На этот раз, после отмашки судьи, я сразу же, несмотря на ливень, ледяные шарики и снег, направился напрямик к моей противнице. Подойдя к ней на расстояние метра, я замешкался — девочка же, да еще и симпатичная. Она же сомневаться не стала и ударила меня ногой между ног. Вернее, попыталась ударить. Ментальный доспех у меня работал на полную катушку, и нога девочки врезалась буквально в бетонную стену. Она дико заорала и упала на покрытие полигона, схватившись за правую стопу. От неожиданности я замер и не знал, что делать. Началась суета. На полигон выбежали два санитары с носилками, судья и какая-то женщина. Вся эта компания вскоре

завозились рядом с девочкой, не обращая на меня внимания. Вдруг женщина, как я понял, мама девочки, повернулась ко мне и крикнула:

— Это тебе за Лидочку!

В сторону моей правой ноги полетела острая сосулька, разбившаяся в мелкую ледяную пыль о мой ментальный доспех, не причинив мне никакого вреда. Женщина в недоумении уставилась на облачко осколков. Из ступора ее вывел наш учитель по военной подготовке, что-то резко ей сказавший, после чего она опустила голову и проследовала за санитарями, которые уносили Лидочку.

— Пожарский, ты в порядке? — поинтересовался подошедший судья.

— Да, — односложно ответил я, приходя в себя.

— Вот и хорошо. Ты прям камень какой-то, все от тебя отскакивает! Вон, твой наставник идет.

Вечером этого же дня к нам в усадьбу пожаловали супруги Веснецовы с извинениями за, как они выразились, этот печальный инцидент.

— С Пожарскими боятся поссориться, но раскаянья в них я так и не почувствовал, — сказал мне Прохор, когда родители Лидочки удалились. — Эта тварь тебе могла ногу отрезать, а тебе хоть бы хны. Ну-ка, ударь меня! Изю всех сил!

Мой наставник встал передо мной, расставил ноги и указал пальцем себе в живот. Я сосредоточился и ударил...

Прохора согнуло пополам.

— А ведь я в ментальном доспехе был... — прохрипел он спустя пару минут.

После этого и начались мои усиленные тренировки под руководством моего наставника с упором на мои особенности. «Засадить» мне «плетью» пониже спины он мог и ночью, во время сна, но к окончанию лица добился того, что без ментального доспеха я чувство-

вал себя буквально голым. Кроме того, Прохор заставлял меня управлять ментальным доспехом так, чтобы в обычных бытовых условиях его наличие не так бросалось в глаза — обычное рукопожатие, поездки на машине, передвижение в маленькой комнате со столами и стульями, на которых стояла хрупкая домашняя утварь. Не забыл Прохор и про навыки борьбы и кулачного боя — три раза в неделю к нам в имение из Смоленска приезжал Федор Кузьмич, старый знакомый Прохора, который занимался со мной «казацким спасом». Кроме того, к шестнадцати годам я вполне освоил «темп» — состояние боевого транса, которое позволяло быстрее двигаться, чувствовать противника и окружающую обстановку. Усилилась на «темпе» и «чуйка» — чувство опасности... Постепенно и другие мои одноклассники стали применять в учебных боях «темп», но были они не так быстры, как я, да и долго в этом состоянии, в отличие от меня, пребывать не могли: слишком быстро тратились силы.

С легкой руки учителя по военной подготовке ко мне приклеилось прозвище Камень, которое я продолжал оправдывать, участвуя, как и все мои одноклассники, в учебных поединках. Я даже приобрел некоторую известность необычной тактикой ведения боев и тем, что ни разу так и не проиграл. Прозвище Камень за мою «толстокожесть» прилипло ко мне намертво. Несмотря на достигнутые очевидные успехи в боях, мое владение стихиями оставалось на зачаточном уровне, что, в свою очередь, не давало мне возможность сдать на ранг, даже на «новика»...

Рангов было всего четыре — новик, витязь, воевода и абсолют. Все остальное население Российской империи владело своими ментальными доспехами и стихиями на минимальном уровне, практически не применимом в боевых условиях. Необходимым условием поступления в военное училище были аттестации на

ранг витязя, а для особо одаренных молодых людей, достигших этого ранга в тринадцать-четырнадцать лет, были суворовские и нахимовские училища, практически гарантировавшие поступление своих выпускников в высшие военные заведения. Были уникамы и среди девочек, традиционно владевших стихиями и ментальными доспехами не в такой степени, как мальчики. Им предлагали, с согласия родственников, поступление в военные училища на отдельную кафедру. Надо отметить, что взвод охраны императрицы и ее дочерей состоял именно из таких валькирий. Род князей Пожарских очень гордился тем, что все отпрыски мужского пола, начиная с конца XIX века, закончили Московское суворовское училище, затем Московское Высшее командное училище при Генеральном штабе военного министерства Российской империи и продолжили военную карьеру в гвардии. Вот и сейчас оба моих родных дяди «тянули лямку»: один, Григорий, в Измайловском полку, второй, Константин, в Преображенском. На мне, убогом, сия славная традиция рода Пожарских прискорбным образом прервалась, что, как вы понимаете, опять не добавило мне любви со стороны родственников.

При этих аттестациях на ранг основной упор делался на владении стихиями, которых было четыре — земля, воздух, огонь и вода. Учитывая мою бесталанность в применении стихий и всю ту красоту, которую ждала приемная комиссия, ходить на эти аттестации мне было бесполезно.

Кроме того, основная часть учащихся лицея составляли отпрыски дворянских семей — опоры трона. Слухи о моем рождении, как ни старались мои родители, все же просочились в общество. С одной стороны, мне сочувствовали, как же, сирота, с другой стороны, воспринимали как ублюдка, прижитого родом Пожарских неизвестно от кого. Говоря прямо, на мой княже-

ский титул большинство дворянских отпрысков и членов их семей клали большой и толстый... канделябр. От откровенного хамства меня спасала лишь фамилия Пожарский, ведь с моим родом никто из тех, кто был в здравом уме и твердой памяти, связываться не хотел, особенно помня памятник гражданину Минину и князю Пожарскому, установленному на Красной площади в 1818 году, и моя «толстокожесть» — я не упускал возможности дать в рыло любому, кто усомнится в моем происхождении, интеллектуальных и боевых навыках. Настоящим другом среди этого пафосного дерьма я могу назвать только одного моего одноклассника — Сашу Петрова, сына мелкопоместных дворян, который носил кличку Пушкин среди лицейстов за склонность к сочинению виршей, легкую кудрявость и неугомонный характер. Мне, далекому от высокой поэзии человеку, рифмующему «погоди» с «не спеши», «уйди» с «приди», и пишущему «я люблю, а ты мне заявляешь — не люблю», его стихи казались верхом изящной словесности. Саша для меня являлся проводником из мира суровой реальности в мир грез и сказок, где добро было с кулаками и побеждало хитрое изворотливое зло, где витязи влюблялись в дев раз и на всю жизнь, а те, что характерно, отвечали им взаимностью, где можно было получить полцарства и принцессу в придачу... В том, что касается боевки, Саша был полный ноль и собирался поступать в Императорский художественный институт имени В. И. Сурикова, тем более что рисовал он просто замечательно.

Я все-таки не удержался и поморщился, когда мы проехали во двор особняка, направляясь к гостевому флигелю, где мое сиятельство изволило проживать во время вступительных экзаменов. Оставаться здесь жить я не собирался, хотя дед мне и предлагал, но косяе взгляды остальных домочадцев и их подчеркнутое вежливо-холодное поведение меня несколько напряга-